

Вита
Кросс

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Его

18+

ПО КОНТРАКТУ

Вита Кросс

Его по контракту

«Автор»

2026

Кросс В.

Его по контракту / В. Кросс — «Автор», 2026

Мой жених попросил меня лечь в постель с другим...— Ты понимаешь, о чем меня просишь, Богдан? — испуганно смотрю на Богдана.— Соня, у меня нет другого выбора, — он отчаянно качает головой, — Только ты можешь помочь. Я же ради тебя на это пошел. Ради тебя украл!— Нет, я об этом не просила! — восклицаю сквозь слезы, отказываясь верить в то, что сейчас происходит. Богдан хватается меня за руки и становится передо мной на колени. — Я люблю тебя, — крепко сжимает их, — Потом мы об этом не будем вспоминать. Клянусь! Ты проживешь у Леонова месяц, будешь делать все, что он скажет. А я ни слова тебе не скажу. Мы сможем обо всем забыть и начать с чистого листа. Только прошу, сделай это ради меня!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Вита Кросс

Его по контракту

Глава 1

— Саш, Богдан не у тебя? — тревожно спрашиваю, едва знакомый моего Богдана отвечает на звонок.

— Сонька, ты время видела? — сонно ворчит он. — Нет, конечно.

— Ладно, извини.

Сбрасываю вызов, до боли прикусывая губу.

Часы показывают два ночи, а Богдана всё ещё нет. И связи с ним нет с обеда.

Сначала я думала, что у него завал на работе, поэтому он не отвечает. Но он не перезвонил. Ни через два часа, ни через пять. К вечеру я заволновалась. Набрала сначала его лучшего друга Костю, потом ещё пару знакомых. После того, как все в один голос отвечали, что не знают где он может быть, принялась перебирать в голове, кому ещё можно позвонить. Нашла номер его офиса, но там уже не отвечали.

И вот сейчас, посреди ночи, я меряю шагами комнату, сгрызая от нервов ногти.

Жду... Чего? Звонка? Щелчка дверного замка?

Хоть чего-нибудь.

Нутром чувствую, что случилось что-то плохое.

Богдан никогда не пропадал без предупреждения. Да, в последнее время часто задерживался на работе, но максимум до полуночи. И всегда звонил, предупреждал, чтобы я не волновалась.

Зарыв пальцы в волосы, пытаюсь не поддаваться панике. Получается плохо.

Может, авария? Подрался с кем-то? В этом городе хватает отмороzków.

Некоторые за тысячу в кармане готовы убить.

Нет. Нет. Нет. Этого не может быть!

Отгоняя страшные мысли, хожу из угла в угол. Вдруг из окна замечаю, что двор ослепляет свет фар.

Ночь. Кто ещё может ездить в такое время?

Я подхожу к окну.

В наш старый двор, окружённый пятиэтажками, въезжают две машины. Огромные, чёрные внедорожники. Здесь такие обычно не появляются.

Внутри меня что-то щёлкает. Шестое чувство вопит на полную.

Богдан.

Срываюсь с места, вылетаю из квартиры и, как есть, в домашних тапочках выбегаю на улицу.

Первый автомобиль проезжает мимо моего подъезда, и останавливается чуть поодаль, а второй тормозит аккуратно напротив меня.

Из машины выходит мужчина, ростом, наверное, с две меня, а шириной, как небольшой ларек с кофе. Открывает дверь и буквально вытаскивает с заднего сиденья моего Богдана. Как какого-то щенка. Всего избитого, в кровоподтеках и ссадинах.

— Богдан, — ошарашенно подхватываю его, потому что кажется, что он самостоятельно стоять не в состоянии.

— Сонь... — хрипит он, наваливаясь на меня почти всем своим весом.

Я едва на ногах удерживаюсь. Из глаз брызгают слезы, сердце сжимается в болезненном спазме.

— Что вы за нелюди? – выкрикиваю, бросая взгляд на равнодушного громилу.

Перевожу взгляд вглубь салона и вздрагиваю. На заднем сиденье, в тени кожаной обивки, словно хищник в засаде, сидит мужчина. Я узнаю его сразу. Мы однажды встречались. Около месяца назад, на одном из мероприятий, куда был приглашен Богдан.

Высокий, широкоплечий, крепкий, он заполняет собой весь диван. В его позе — ленивое превосходство, в глазах — ледяной расчет. Этот взгляд пронизывает меня насквозь, заставляя внутренне сжаться. От него веет холодной, безапелляционной властью, которой невозможно сопротивляться.

Лениво взмахнув рукой, он отворачивается, словно теряя к нам интерес. В этот момент нас с Богданом грубо отталкивают, дверь машины захлопывается.

Миг — и внедорожники исчезают.

Как будто их и не было.

Только стонущий Богдан в моих руках подтверждает, что всё это не привиделось.

— Что они с тобой сделали? – поддерживая его за талию, помогаю дойти до подъезда.

— Я влип, Сонька, так влип.

Дома я помогаю ему разуться и сразу же веду в ванную. Богдан садится на край, пока я смачиваю край полотенца холодной водой и стираю с его лица кровь.

Внутренности скручиваются в тугой узел. Как так можно обращаться с людьми? За что?

— Я подам на него заявление, — справившись с комом в горле, решительно произношу.
— Точнее, ты. Мы сейчас же вызовем полицию и скорую, зафиксируем побои. Он не отвертится.

— Ты что? Меня повяжут, дурочка, — удерживает он меня за запястье.

Я застываю.

— Что значит, повяжут? За что?

Губы Богдана сжимаются в тонкую линию. Он встаёт, обходит меня и толкнув дверь ванной комнаты, уходит.

Нахмурившись, отправляюсь за ним.

— Бодь, ты расскажешь, что случилось?

Нахожу его на кухне. Он достаёт из полки бутылку коньяка и наливает себе его прямо в чашку.

Залпом выпивает, морщится и повторяет. Смотреть на него такого больно. В последнее время у него трудности на работе, время от времени он прикладывается к коньяку, но потом всё налаживается.

Сейчас же у меня стойкое ощущение, что на этот раз всё иначе.

— Бодь...

Богдан тяжело оседает на стул и опускает голову в ладони.

— Сонь, я хотел, как лучше. Хотел тебе устроить незабываемую свадьбу. Чтобы всё, как ты хотела. Лимузин, дорогой ресторан, платье, на которое ты так засматривалась в бутике. А получилось...

Ничего не понимая, сажусь рядом.

— Что получилось?

— Короче... я должен Леонову кучу бабок.

— За что?

Тяжело вздохнув, Богдан отрывает от головы руки и смотрит прямо на меня. Во взгляде вина, боль, отчаянье.

— У нас на работе некоторые мужики мутят схемы. Вместо заказанных дорогих материалов ставят дешёвые, но так, что никто не замечает. Разницу кладут в карман.

— И? – с подозрением уточняю.

— Ну... я решил, почему бы и мне так не сделать? Что я лох, что ли, такой шанс проворонить? Ну, а когда бабки появились, решил поиграть, чтобы приумножить. А в итоге...

Мне кажется, что мне снится, и всё это говорит не мой Богдан.

— Что в итоге? – еле шевелю пересохшими от шока губами.

— А в итоге просрал всё, — он снова стонет и роняет голову в ладони. Я не дышу. – А этот урод узнал. Сказал возвращать бабки, а как я их верну, если я блядь их все проиграл? Сонькаааа...

У меня на затылке волосы дыбом встают.

— Как ты мог? – ошеломленно смотрю на человека, которого знаю пять лет, и который никогда в жизни ничего не воровал. – Это же нечестно.

— Да ладно тебе? Не честно? – рывкает он, поднимая сумасшедшие глаза. – А честно, что мы на свадьбу уже год собрать не можем? Ты еле работу нашла. Я копейки зарабатываю. Всё матери на лечение уходит. – он судорожно втягивает воздух. Сжимает кулаки. — Я тоже хочу, чтобы у нас с тобой был праздник. Мы этого заслуживаем не меньше, чем этот Леонов, у которого столько денег, что нам с тобой и не снилось. Машину хочу. Телефон нормальный. Обедать хочу в ресторане, а не бутербродами твоими давиться.

— С ума сошёл? – вскакиваю со стула, пытаюсь переварить всё то, что на эмоциях говорит Богдан, — Ничего бы с нами не случилось, если бы мы сыграли не пышную свадьбу, а скромную. И нормально мы живём.

— Ага, нормально. Только платья ты рассматриваешь не с рынка. Я видел на какие сайты ты заходишь. Там одно стоит, как пол моей почки.

— Ты... — теряюсь от его напора, но не успеваю ответить.

— Сонькаааа... — Богдан резко встаёт со стула и рывком притягивает меня к себе. Горячо дышит в шею, сжимает в руках так, будто я его последняя надежда. — Что теперь делать? Он же убьёт меня!

Господи... Страх ледяной волной накрывает спину.

— Не убьёт, — шепчу, стараясь быстро выстроить в голове правильный план действий, — мы возьмем кредит. Я постараюсь устроиться на вторую работу, и ты тоже. Будем пахать...

— Не дадут мне такой кредит, я сегодня пытался, — Богдан отстраняется и засунув руки в карманы брюк, отворачивается к окну.

— Какой такой?

— Большой, Соня, — в голосе сквозит раздражение, будто я ребёнок, который не понимает очевидного. — ты думаешь, я бы тут переживал из-за пары тысяч баксов?

Пары тысяч баксов?

Я обтекаю.

— А сколько ты ему должен?

Богдан молчит, на мой вопрос не отвечает. Напряженно втягивает воздух, а потом качает головой.

— Дернул же меня чёрт с этой свадьбой. Хотел как лучше. Для тебя. Чтобы ты счастлива была со мной. Чтобы ни в чём не нуждалась, — разворачивается, полоснув меня взглядом исподлобья. — Я пойду, Сонь. У меня всё болит. Завтра буду думать, что делать.

Разворачивается и уходит. А я так и остаюсь стоять, прибитая к месту...

Глава 2

Я скидываю взгляд на высокое здание и крепче сжимаю сумочку. Там деньги. Не много. Банк дал лишь небольшую сумму, потому что я работаю всего несколько месяцев. Да и зарплата не позволяет взять крупный кредит.

Но выбора нет.

Я предложу эту сумму, а остальное будем отдавать в рассрочку. Очень надеюсь, что Захар Леонов всё же имеет сердце и согласится пойти на уступки.

Поговорить с ним я решила сама. Богдану пока лучше не попадаться ему на глаза.

Сглотнув, делаю несколько глубоких вдохов и вхожу в офисное здание. Пятнадцатый этаж, как я выяснила, принадлежит компании Захара Дмитриевича.

Гулкие удары каблучков эхом разносятся по внушительному, пустому холлу. Я невольно втягиваю голову в плечи, пытаюсь слиться со стеной.

Сердце колотится, как сумасшедшее.

Пока кабина лифта поднимается, я то и дело повторяю речь, которую готовила половину ночи. Первую половину просто лежала, слушая, как Богдан то и дело встаёт, а возвращается пропитанный запахом сигарет.

Во вторую — решила на действие.

Перебирала варианты разговора, репетировала возможные диалоги. Тогда они казались логичными и убедительными. Сейчас же, чем выше поднимается лифт, тем больше фразы путаются, превращаясь в несуслаицу.

На этаже оказывается тихо.

Оглядевшись, я замечаю у окна большой белый стол, за которым сидит эффектная брюнетка и сосредоточенно работает за компьютером.

Поправив юбку — карандаш, подхожу к ней.

— Добрый день. Подскажите, я могу встретиться с Леоновым Захаром Дмитриевичем?

Оторвав взгляд от компьютера, секретарь одаривает меня вежливой, но прохладной улыбкой.

— А вы...?

— Я — София Грановская. Это по поводу Богдана. Скажите Захару Дмитриевичу, он поймёт.

Зависнув на мне оценивающим взглядом, он нехотя тянется к трубке, и прикладывает её к уху.

Спустя несколько секунд встаёт и обходит стол.

— Захар Дмитриевич готов Вас принять. Что бы вы хотели выпить: чай, кофе, воду?

— Ничего, спасибо.

Бейджик на её груди гласит Эмилия. Она проходит мимо, сверкая длинными, стройными ногами, дважды стучит в дверь и открывает её.

— Проходите.

Пропускает меня вперёд, а как только я оказываюсь внутри, захлопывает дверь, отрезая от внешнего мира.

Я застываю на пороге.

Офис огромный. Просторный, с панорамными окнами, сквозь которые город кажется игрушечным. Светлый камень на полу, кожаный диван. Всё здесь дышит дороговизной и безупречным вкусом.

Но даже не роскошь сбивает дыхание. Воздух сам по себе кажется тяжёлым, пропитанным властью.

В центре кабинета массивный стол из тёмного дерева, гладкий, без лишних бумаг.

И сам хозяин.

Леонов.

Он сидит, расслабленно откинувшись на спинку кресла и смотрит прямо на меня.

— София Грановская, — негромко произносит, растягивая моё имя, будто пробует его на вкус.

А мне становится страшно. Все заготовленные фразы тонут в тумане, появившемся в голове.

— Добрый день, — мысленно надавав себе пощечин, шагаю вперед.

Пока я иду взгляд серых глаз скользит по моей фигуре. Цепляется за ворот недорогого пиджака, который я сегодня надела специально для этой деловой встречи, опускается ниже по бедрам, коленям и в итоге, снова поднимается к лицу, когда я оказываюсь у его стола.

Щеки пылают от такого пристального внимания.

— Слушаю Вас, — холодно произносит он.

Я нервно сглатываю. Никогда ещё не волновалась так сильно. Даже после нескольких неудачных собеседований чувствовала себя смелее.

Дрожащими пальцами достаю из сумки пачку денег и кладу перед мужчиной.

— Вот.

— Это что? – его бровь вопросительно взлетает вверх.

— Деньги. Точнее часть их. Остальную мы с Богданом будем отдавать по мере накопления, — сбиваюсь под тяжестью тяжелого взгляда. – Пожалуйста, пойдите нам навстречу. Я знаю, что Богдан должен вам большую сумму. Но..

— Если знаешь, то зачем принесла эти гроши? – перебивает он.

Гроши? Я вопросительно смотрю на сумму, на которую мы с Богданом могли бы прожить несколько месяцев

— Это не гроши... — стараюсь звучать как можно увереннее.

Леонов переносит тяжесть тела вперёд, опираясь локтями на стол. Я стою, но чувствую себя так, будто он сейчас меня раздавит.

— Ты знаешь сколько стоит итальянская керамическая плитка, выполненная на заказ? – прошивает меня словами, как пулями.

— Д-да...

— Уверена?

— Уверена, — гордо вскидываю подбородок. – Я начинающий дизайнер интерьеров. И в курсе цен на плитку премиум-класса.

— Ну, раз в курсе, то посчитай сколько такой плитки нужно на двадцать квадратных метров.

В горле собирается ком и мне приходится приложить усилие, чтобы проглотить его.

Это огромные деньги. Огромные!

— Посчитала?

— Да.

— А теперь добавь к этому фирменную сантехнику, которую твой ушлёпок заменил на отечественную и прилепил с боку наклейку, полагая, что я не замечу.

Меня бросает в холод. Кровь отливает от лица.

Богдан, что же ты наделал?

Леонов чуть наклоняет голову, наблюдая за мной с тем самым ленивым превосходством, от которого стынет кровь.

— Вижу, посчитала.

Он прав, гроши, которые я принесла даже не десятая часть суммы, которая рисуется после всех математических подсчетов.

Бессилие наваливается тяжелым грузом на плечи. Я оседаю на рядом стоящий диван, тупо пялясь перед собой на дорогуший черный ковер под ногами.

— И что теперь делать? – лепечу, чувствуя, как тревога скручивает внутренности. – У нас нет таких денег.

— Мозги нашлись, чтобы украсть. Значит, найдутся, чтобы вернуть.

Ледяной пот проступает на коже. Я роняю лицо в ладони, чувствуя, что вот-вот заплачу.

Как Богдан мог проиграть столько денег? Как?

Шок настолько сильный, что я даже не слышу, как Леонов оказывается рядом. Диван под его весом прогибается. Я вздрагиваю и поднимаю голову.

Холодный взгляд встречается с моим.

Он как будто снимает мою кожу слой за слоем, пока несколько долгих секунд рассматривает меня.

— Что, сильно любишь этого недоделка?

— Люблю, — отвечаю, не раздумывая. – Мы пожениться собирались. Это из-за меня он...

— Из-за тебя проиграл все деньги? – заламывает с издёвкой бровь.

— Вы в курсе, да? Я не знаю...

Растерявшись, опускаю взгляд на массивное мужское запястье, обрамленное дорогими часами.

— Если ты так его любишь, можешь вернуть долг за него.

— Как? – поднимаю на него ошеломленные глаза.

— Единственным доступным тебе способом. Будешь спать со мной. А протяжении месяца.

Он произносит это так спокойно и буднично, словно речь идёт о самой обычной сделке на мебель.

Меня прошибает ознобом.

— Вы... шутите? – нервно улыбаюсь.

— А тебе смешно?

— Нет!

— Значит, не шучу.

Будто удар в грудь.

Воздуха резко перестаёт хватать. Лёгкие сдавливают тисками.

— Да как? – теряю все слова, судорожно пытаюсь осознать, он действительно это имеет в виду или просто... проверяет меня?

Но его взгляд — прямой, тяжёлый, прожигающий сквозь одежду, говорит сам за себя.

— Как вы себе это представляете вообще?

— Легко. Ты переезжаешь ко мне. Исполняешь роль содержанки. Только вместо денег на твое содержание, я списываю долг с твоего благоверного. Он спокойно живёт себе дальше, не потеряв пару своих конечностей. И свободу.

Меня словно волной с дивана подбрасывает. Резко встав, я отхожу от него на пару метров, как от источника опасности.

— Конечно же, этого не будет. – произношу так твердо, как только могу. – Это... неправильно! Аморально.

Он безразлично пожимает плечами, словно ему совершенно плевать. Встаёт, подходит к столу и опускается в кресло.

— Тогда ищите другие варианты. У вас ровно сутки. Через двадцать четыре часа либо ты стоишь здесь с чемоданом, либо коллекторы делают своё дело. Свободна.

Задохнувшись от ярости и возмущения, я разворачиваюсь и почти бегом покидаю офис этого дьявола.

Глава 3

— Это он тебе предложил?

Пальцы Богдана складываются в кулаки. Глаза наливаются кровью.

— Да...

— Раздвигать перед ним ноги в оплату долга? Вот мудак.

Рывком встав с дивана, он как загнанный зверь мечется из одного угла комнаты в другой. Я же просто нахожусь в прострации от самого предложения, на которое решился Леонов.

Неужели это нормально посреди бела дня взять и предложить человеку оплатить собой долг?

Обхватываю себя руками. От этих мыслей становится холодно. Я как-то жила себе своей спокойной жизнью и никогда не задумывалась о том, что другие могут жить иначе. А ведь могут. У таких, как Захар Леонов совершенно другая жизнь. Они всё покупают за деньги. И людей тоже, судя по всему.

Втянув голову в шею, уже какой час подряд пытаюсь найти выход из ситуации.

— Сонька, я поеду к начальнику, — Богдан падает рядом и тянет меня к себе. Крепко обнимает, — поговорю с ним по поводу дополнительной работы. Буду впахивать сутками напролёт. И к Леонову поеду. Пусть не думает, что вот так за моей спиной может предложить моей невесте спать с ним.

Я морщусь от того, как мерзко все это звучит.

Высвобождаюсь из его объятий и откидываюсь на спинку дивана.

— А если не получится? — спрашиваю, не глядя на него.

— Я в лепешку разобьюсь, но найду деньги.

— Только не так, чтобы мы потом еще кому-то должны были.

Чувствую на себе его колючий взгляд, но не реагирую. Мне кажется, я впала в прострацию еще там в кабинете Леонова и до сих пор не могу прийти в себя.

Богдан уходит, а я, еще немного посидев, решаю тоже что-то предпринять. Сидеть сиднем не поможет делу. Нужно искать варианты быстрого заработка.

Беру со стола свой ноутбук, чтобы зайти в рабочий кабинет и натыкаюсь на открытую вкладку со свадебными платьями.

Внутренне вздрагиваю.

Я действительно просматривала варианты платьев на сайтах дорогих магазинов. Мне нравилось выбирать, представлять, как та или иная модель будет на мне смотреться. И мне конечно же хотелось, чтобы моё платье было самым красивым. Чтобы я была самой красивой для Богдана. И для себя тоже.

Вот только я прекрасно понимала, что платья этих линеек мне не по карману. Я знала, что возьму себе в аренду модель попроще, просто похожую на одну из понравившихся.

А Богдан интерпретировал всё иначе.

Вдохнув, захожу в рабочий кабинет. В компании «ИнтерДизайн» я работаю три месяца. После окончания университета устроиться куда-либо было сложно. Всем нужны профессионалы с опытом работы. А какой опыт у только что выпустившегося студента? Ноль. Я пыталась работать удаленно, даже страничку завела в соцсети, с моими работами. Думала, клиенты повалят. Ага, разбежалась. Как оказалось, для начала нужно вложиться в рекламу, набрать аудиторию и только потом возможно, дело пойдёт.

У меня на рекламу денег не было. Повезло, что в «ИнтерДизайне» эйчар менеджеру мои работы пришлись по душе. Катерина Викторовна поверила в меня, за что я ей искренне благодарна. С её легкой руки мне дали работу и позволили работать удалённо. Пока что мне дают

простые заказы. На небольшие суммы. Я нарабатываю опыт общения с клиентами, учусь читать между строк и улавливать все их пожелания.

Я обожаю мою работу, но нужно просить что-то более серьезное, если я хочу помочь Богдану с выплатой долга.

Написав письмо менеджеру с просьбой крупного заказа, стараюсь отвлечься. До самого вечера загружаю себя работой и готовкой.

Богдан приезжает уже затемно.

Едва проворачивается ключ, как моё сердце подскакивает к горлу. Вытерев руки, спешу в коридор, но увидев Богдана, застываю.

Он бледный, как больничная стена. И от него разит выпивкой.

— Что случилось? – всматриваюсь в его пустые, красные глаза.

Сняв куртку, он небрежно вешает её на вешалку и шатаясь, проходит мимо меня на кухню.

Падает на стул.

Внутренне покрываюсь ледяной коркой. Так не выглядит человек, который смог найти выход из положения.

— Меня уволили.

Оседаю на стул рядом.

— Прикинь? Пацанчик один, Вавилов Саня в больничке. Это он подсказал мне, как можно достать денег. Но мужик, у которого он делал ремонт как-то узнал об этой схеме. Его люди поломали Саню, заставили подписать дарственную на квартиру его матери, а после выписки он отправится под следствие.

От ужаса у меня шевелятся на затылке волосы.

— Петрович после этой истории нас всех уволил. Меня, Серёгу, который занимался поставками, и с которым мы были в доле. Сказал — наберет новый персонал, чтобы не повадно было. Орал, что мы ему репутацию испортили, грозился в ментовку заявить, если узнает кто еще промышлял подобным. А этот олигарх, который Саню поломал, он знакомый Леонова. И я уже не сомневаюсь, что меня ждёт нечто подобное. Сонькааа... — застонав, Богдан роняет голову в ладони. – меня убьют, Сонька.

— Не убьют. Ты денег им должен, — отвечаю, как робот, потому что внутри меня как по щелчку всё заморозилось.

— Да им все-равно на эти деньги. Это принцип уже. Я такой лох, — а потом вдруг Богдан сползает на мол и становится передо мной на колени. – Сонь... ну, если подумать, то месяц - это не так долго. – губами по очереди вжимается в мои ладони, пока я пытаюсь понять к чему он клонит, — мы с тобой сделаем вид, что этого не было. Никогда не будем об этом говорить. Я не буду спрашивать, а ты – рассказывать. Забудем, вычеркнем и будем жить дальше. Ты и я. Вместе. Как мы мечтали. Я за это время найду новую работу, а потом, когда ты вернешься, мы поженимся.

Он воспаленными глазами смотрит на меня, а у меня сердце кровью обливается. От обиды, злости, бессилия. Внутри грохочет истерика. Мне хочется выпустить её на волю, но я только сильнее запираю её.

— Богдан, ты понимаешь, о чем просишь? – шепчу сухими губами, пока он неистово покрывает поцелуями мои руки.

Поднимается вверх по локтям, плечам. Миновав шею, несколько раз жадно впивается в губы.

— Соня, Сонечка, у меня нет другого выхода. – в голосе проскальзывают истерические нотки, — Только ты можешь помочь. Я же ради тебя на все это пошел, любимая. Не бросай меня, не дай им меня покалечить, — отчаянно прижавшись ко мне, он тяжело дышит, отравляя меня отвратительным запахом алкоголя и глубокого отчаянья.

На ответ у меня сил не остается. Кое-как встав, я отправляюсь в спальню и ложусь в кровать. Богдан так и остаётся сидеть на полу на кухне.

Поверить не могу в то, что всё это происходит.

И как мне быть? Есть правильный ответ на этот вопрос?

Я пытаюсь найти его всю ночь. Даже когда Богдан ложится рядом и крепко обнимает меня со спины.

— Я люблю тебя, Сонь, — шепчет, зарываясь в мои волосы, — прости меня. Прости. Я сам за всё отвечу. Пойму, если ты меня не дождешься после тюрьмы. Я не заслуживаю этого. Не заслуживаю тебя. Просто знай, что я буду любить тебя всегда.

Крепко поцеловав меня в затылок, выпускает меня из объятий и отворачивается.

По моим щекам текут слезы, я вся, как наэлектризованный шар, в котором борются чувство вины и справедливости. Мне так жаль его. Жаль нас. Почему это должно было произойти именно с нами?

Я даже не знаю, как проваливаюсь в сон. Утром молча завариваю нам с Богданом кофе. Ничего не говоря мы выпиваем его за одним столом. Он моет чашки, чего не делал, в принципе, никогда, бросает на меня загнанные взгляды, когда думает, что я этого не вижу.

А когда в дверь раздаётся стук, вздрагивает всем телом. Покрываясь пятнами, глубоко втягивает в легкие воздух.

Моё сердце начинает неистово трепыхаться, когда он открывает дверь и в нашу крошечную однушку вваливаются два амбала, одного из которых я уже видела позавчера вечером. Лысый, огромный, с накаченными руками, которыми кажется, он может легко свернуть шею.

— На выход, — он коротко указывает Богдану на дверь. — Тебя уже ждут.

Страх за него охватывает горло невидимой рукой. Богдан послушно плетется к вешалке, ни живой не мертвый. А я вдруг понимаю, что могу видеть его в последний раз. Глупого такого, но родного. Я же люблю его, мы вместе пять лет. Собирались провести вместе жизнь, родить детей. И что? Я вот так смогу от него отвернуться?

— Не надо, — ловлю его за руку, не позволяя надеть куртку. — Я поеду вместо него.

Охрана Леонова переглядывается. Тот, который лысый, достает телефон, что-то печатает, и дождавшись ответа, утвердительно кивает.

— У Вас десять минут на сборы. Ждём Вас на улице.

Дверь за ними закрывается, и мы остаёмся с Богданом вдвоем. Вместо кислорода, словно угарный газ попадает в легкие. Травит, не даёт вдохнуть.

— Сонька, — зашептав, он рывком притягивает меня к себе, — Спасибо тебе, Соня. Я буду ждать тебя. На стены буду лезть, с ума сходить. Любить буду еще больше, клянусь.

Обняв его в ответ, пропускаю в себя эти слова. Кажется, внутри меня в этот момент что-то умирает, но я пока этого не замечаю. Мне кажется, что это так работает парализующий страх перед тем, что меня ждет.

Пока я собираю вещи, Богдан сидит молча рядом на кровати. То и дело бросает «прости», берет меня за руку, снова сгребает в охапку.

— У меня мало времени, — выпутываюсь, отправляясь за ноутбуком.

Обуваюсь, одеваюсь. А на выходе из квартиры, Богдан рывком обнимает меня сзади.

— Ты же любишь меня, Сонь... Не забывай об этом.

Проглотив ком, спускаюсь вниз, ни разу не обернувшись.

Глава 4

— Разве мы не проехали поворот, ведущий к офису Захара Дмитриевича?

— Нам велено отвезти вас не в офис.

— А куда? – опасливо верчу головой.

Один из охранников сидит на переднем сидении, рядом с водителем, а второй около меня. Итого, в машине трое мужчин угрожающей наружности, и я... Та, кто в случае чего сможет разве что ногти о них сломать, потому что оказать большего сопротивления мне просто не дадут.

Но, судя, по всему, на меня они не посягают. Интересы с их стороны я не замечаю. Тот, что сидит рядом, смотрит прямо, словно робот. На меня он посмотрел лишь раз, когда помогал забраться в эту огромную неудобную машину.

— Мы везём Вас к нему домой.

По телу проходит дрожь, собираясь тревожным комом в животе.

Леонов дома? Сейчас?

И как всё это будет? Я приеду, и он сразу отправит меня в спальню?

Ком внутри становится тяжёлым, заполняя меня изнутри.

Я устремляю застывший взгляд в окно, стараясь отключиться. Мне нужно как-то научиться выключать эмоции на этот месяц, иначе они сожрут меня изнутри. Если я начну вдумываться в происходящее, меня сорвёт, и я не выдержу.

За окном проносится городской пейзаж. Серое небо нависает тяжёлым куполом, грозясь обрушиться снегопадом, а ветер яростно трясёт голые ветви деревьев.

Мы проезжаем бизнес-район и минуем элитный жилой квартал, где многоэтажки растут как грибы после дождя.

Я цепляюсь взглядом за каждую из них, внутренне готовясь к тому, что жить мне придётся именно здесь. Но автомобиль проносится мимо, оставляя высотки позади, и начинает замедляться только тогда, когда мы въезжаем в район совсем другого уровня.

Там живут люди, чей достаток несравним с моим.

Здесь нет многоэтажек. Только коттеджи — большие и маленькие, с прозрачными стенами в современном стиле или с колоннами, будто из прошлых веков.

Я даже засматриваюсь.

Никогда прежде я не заезжала в этот район. Мы с Богданом живём в другом конце города, ближе к народу, к таким же, как мы сами. А здесь обитают те, чьи фамилии можно встретить в новостных сводках под заголовком «Коррупционеры».

Автомобиль подъезжает к высоким кованым воротам, которые тут же разъезжаются в стороны.

Я внутренне напрягаюсь, пока мы медленно минуем подъездную дорожку и останавливаемся.

Первыми из машины выходят охранники. Один из них открывает мне дверь. Приходится неуклюже спрыгнуть вниз, потому что подножка для меня расположена слишком высоко.

Оказавшись на улице, жду, пока второй достанет мой небольшой чемодан из багажника.

Инстинктивно скользя взглядом по окнам, ожидая увидеть там хозяина этого неприлично огромного дома.

Но никого не обнаруживаю.

— Входите, — меня первой пропускают внутрь, нажимая кнопки на панели, и отключая сигнализацию.

Пока они проходят вглубь дома, я нерешительно топчусь на пороге.

— Входите, Соня, — повторяет тот, который лысый. — Я покажу вашу комнату. Захар Дмитриевич будет вечером. Сейчас дом в вашем распоряжении.

Выдох облегчения получается настолько громким, что охрана переглядывается между собой.

Мне на самом деле всё равно, что они подумают. Они прекрасно понимают, зачем я здесь. Есть огромная вероятность, что такой же путь они проделывали не только со мной, а и со многими другими. Сомневаюсь, что я первая.

Наверх я поднимаюсь следом за ними.

Первая дверь в коридоре оказывается моей комнатой.

— Располагайтесь, — лысый ставит мой чемодан у стены. — Ванная здесь, — указывает на дверь внутри спальни. — Внизу бассейн и сауна. Если проголодаетесь, кухня на первом этаже. — Он протягивает руку: — Дайте телефон.

— Зачем?

Я достаю мобильный из кармана пуховика и протягиваю ему.

— Сохраню номер Захара Дмитриевича. Если нужно будет, он вам позвонит. Советую не игнорировать звонки.

Он смотрит на меня чуть дольше, чем требуется, затем добавляет:

— Уходить без предупреждения — тоже не лучший вариант.

Они уходят, а я остаюсь стоять посреди спальни. Так вот, значит, как выглядит золотая клетка.

Отвечай на звонки, из дома ни ногой, плавай в бассейне, а вечером раздвигай ноги.

Шикарно, что уж... Прямо мечта.

Горько выдохнув, снимаю пуховик и вешаю его на спинку стула.

Надо признать, спальня огромная — размером, наверное, с всю нашу с Богданом квартиру. Высокие потолки, мягкое золотистое освещение, панорамные окна с плотными тёмно-серыми шторами, которые поглощают дневной свет.

Хочется подойти и открыть их, чтобы впустить его побольше.

Я терпеть не могу жить в темноте. По этому поводу у нас с Богданом обычно споры. Он выключает вечером свет, чтобы смотреть телевизор, а я включаю. Чувствую себя кротом, если не горит хотя бы настенный бра.

Повинуясь порыву, я подхожу и раздвигаю тяжелые портьеры. На улице прямо перед окнами раскинута широкая лужайка, покрытая сейчас снежным покрывалом. А немного поодаль стоит еще один дом. Одноэтажный, чуть меньше размером. Вероятно, гостевой.

Оборачиваюсь, продолжая осматривать свои временные владения.

В центре комнаты стоит огромная кровать, шире, чем я когда-либо видела. Чёрное изголовье из мягкой кожи, идеально гармонирующее с графитовыми стенами. Белоснежное постельное бельё, аккуратно разглаженное.

Пол из тёмного дерева, на котором разложены пушистые ковры приглушённого бежевого оттенка. Они такие мягкие, что ноги буквально тонут в ворсе.

В правой части комнаты — отдельная гардеробная. Через стеклянные двери я вижу пустые полки и вешалки, на которые чуть позже отправлю свою скромную одежду.

Дверь влево ведёт в ту самую ванную комнату, о которой говорил охранник. Я заглядываю туда и замираю.

Мрамор, золотая фурнитура, отдельно стоящая ванна, в которой можно утонуть. Умывальник с дизайнерским краном, большая душевая кабина с сенсорным управлением.

Нахмурившись, провожу подушечками пальцев по всей этой роскоши и не понимаю.

Она ведь оригинальная.

Присев, внимательно осматриваю поверхности, отыскиваю логотип. И точно. Это не просто наклейка, о которой говорил Леонов. Всё фирменное, никакой подделки.

Или ремонт делался не в этой ванной?

Мысль об ошибке проскальзывает внутри, цепляюсь за неё, почти позволяя себе поверить, что всё не так плохо. Что, может быть, удастся избежать унижительной сделки с Леоновым.

Но ошибки быть не может.

Это действительно не та ванная.

Глухо выдыхаю, поднимаюсь и выхожу в коридор. Здесь несколько дверей — вероятно, гостевые спальни и хозяйская комната.

Но туда я идти не хочу.

Поёжившись, быстро спускаюсь вниз.

В доме, несмотря на его размеры, тепло. Сейчас, когда рядом нет охраны, а у меня есть несколько часов на себя, я могу осмотреться.

Холл просторный, элегантный, сдержанно роскошный. Стены отделаны тёплым камнем и дорогими панелями из чёрного дерева.

С любопытством рассматриваю каждую деталь. Я вообще впервые имею возможность так близко рассмотреть интерьер премиум класса. Как дизайнеру мне нравится.

Я всегда хотела работать с такими домами, создать что-то грандиозное с нуля.

Пройдя по холлу, попадаю в огромную гостиную. Конечно же, она не уступает дому в роскоши. Кожаные диваны глубокого чёрного цвета, низкие дизайнерские столики, мягкие ковры и панорамные окна во всю стену, открывающие вид на внутренний двор делают ее превосходной.

Не спеша прохаживаюсь по теплым коврам и отправляюсь дальше. Слева от входа в дом оказывается кухня.

И не просто кухня. Это настоящее произведение искусства. Остров из чёрного гранита, высокие барные стулья, встроенная техника последних моделей. Даже вытяжка выглядит как дизайнерский объект.

Всё баснословно дорогое.

И как только Богдан мог решить, что человек, чья сантехника стоит как наша квартира, не увидит разницы между оригиналом и дешёвкой?

Присев на барную стойку, утыкаюсь пустым взглядом в идеально начищенный гранит.

Несмотря на всю эту роскошь, я хочу домой.

В свою маленькую кухню, где по вечерам мы с Богданом готовили ужины, а по утрам быстро выпивали кофе перед работой.

Богдан... при мысли о нём сердце сжимается. Перед глазами всплывает его бледное лицо, глаза, наполненные ужасом, слова, которые он шептал в порыве паники.

На глаза наворачиваются слезы, но я быстро мотаю головой. Не плакать. Я делаю это ради него. Ради нас. А потом всё будет, как раньше.

Где-то в глубине души копошится червяк сомнения, но я его не замечаю. Я убеждаю себя, что всё будет хорошо.

Оставшееся время я трачу на то, чтобы разложить вещи, и принять душ.

А ближе к вечеру приходит сообщение от Захара:

«Буду через час».

Глава 5

К моменту, когда приезжает Леонов, я едва напоминаю живого человека.

Меня потряхивает, лицо в зеркальных отражениях выглядит бледным, словно выцветшее.

В какой-то момент у меня даже возник порыв закрыться в комнате и не выходить, но это слишком глупо.

Входная дверь хлопает, и я вздрагиваю.

Тяжёлые шаги отдаются эхом по холлу, каждый из них словно вдавливают меня глубже в диван, на котором я сижу.

— Разбери пакеты.

Я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом со своим палачом.

Леонов с лёгким нетерпением приподнимает бровь, держа в одной руке два больших бумажных пакета.

На негнущихся ногах подхожу и забираю их у него.

— Добрый вечер, — мой голос звучит еле слышно.

— Разложи всё на барной стойке. Я пока приму душ.

Серые глаза изучающе задерживаются на моём лице, и я снова чувствую себя букашкой.

Он уходит, унеся с собой шлейф подавляющей энергетики, а я, выдохнув, направляюсь на кухню.

В пакетах оказывается ужин.

Половину этих блюд я вижу впервые.

И даже если бы захотела, вряд ли смогла бы угадать, что это.

Протягиваю руку к чеку и ошарашенно округляю глаза. Ого.

Вот это сумма. Он что здесь, лобстеров и фуа-гра заказал?

Бегло пробегаюсь по названиям. Лобстеров в списке не имеется, зато есть: карпаччо из мраморной говядины вагю с трюфельным маслом и пармезаном, стейк "Томагавк" сухой выдержки, жареная утка по-пекински с соусом хойсин и лепёшками, картофельное пюре с трюфельным маслом, дикий рис с лесными грибами. А также десерт: шоколадный фондан и Павлова.

Ну, хоть это я знаю.

Спрашивается, зачем тратить столько денег на такие изыски, если можно приготовить самим — и это выйдет в десятки раз дешевле?

Отвлекаю себя мыслями о расточительности хозяина ровно до того момента, пока он снова не появляется на кухне.

Его присутствие я ощущаю лопатками, ещё прежде чем вижу. В этот же миг сбиваюсь в комок.

Он проходит к одному из ящиков, нажимает на панель и достаёт оттуда бутылку вина.

— Сядь, — командует, не оборачиваясь.

Его энергетика снова лишает меня возможности сказать хотя бы что-то.

Поэтому приходится молча взобраться на барный стул.

Леонов стоит ко мне спиной, откупоривает бутылку, а я невольно зависаю взглядом на его широкой спине.

Мужчина переоделся.

Вместо костюма теперь на нём домашние тёмные трико и свободная чёрная футболка, которая, тем не менее, не скрывает крепкого телосложения, широких плеч и узкого торса.

— На, пока почитай.

Он достаёт из заднего кармана сложенные вдвое листы и протягивает мне.

— Что это?

— Я же сказал — почитай.

Я опускаю взгляд, и понимаю, что это две копии одного документа. Пробегаюсь по строкам — и в груди вспыхивает жар.

К лицу приливает краска, пальцы дрожат, сжимая бумагу.

Это контракт.

Самый настоящий контракт.

Юридически оформленный обмен моего тела на списание долга Богдана.

Строки пляшут перед глазами, потому что я не ожидала подобного. Нет, я понимала, что на слово ему верить нельзя, но, когда всё написано черным по белому, и буквально говорит о том, что я шлюшка, сердце моё готово выскочить из груди.

Захар ставит передо мной бокал с вином, а сам медленно и уверенно опускается на стул напротив.

Как будто у нас обычный деловой ужин.

Как будто в моих руках не документы, превращающие меня в его собственность.

Я едва удерживаюсь на месте.

Кажется, земля разверзнется прямо подо мной, и я провалюсь туда вместе со стулом.

Но нет.

Я остаюсь здесь.

Лист бумаги дрожит в пальцах, когда я, задышав, перечитываю напечатанное:

«Я, Грановская София Сергеевна, обязуюсь выполнять все, без исключения, поручения Леонова Захара Дмитриевича.»

Надо же, даже отчество моё узнал. Что еще ему известно? Да, наверное, всё... Как сказал Богдан — такие люди, как он, знают всё и обо всех.

Глаза цепляются за следующую строку, и к лицу приливает краска.

«В течении одного месяца я нахожусь в его полном распоряжении: в любое время суток, в любом месте, в любом виде, который он сочтёт подходящим.»

Я сглатываю.

«Я обязуюсь удовлетворять все его потребности — физические, эмоциональные и сексуальные — без возражений и права отказа.»

Боже...

Листки в пальцах предательски дрожат, а Захар, словно ничего особенного, отправляет в рот кусок стейка, прожёвывая с ленивым удовольствием.

«Я обязуюсь следовать его желаниям, касающимся моей одежды, внешнего вида и поведения. Я не имею права на личную жизнь, встречи с посторонними мужчинами и любые формы интимной близости с кем-либо, кроме него.»

Кровь гулко стучит в висках.

«Я не имею права обсуждать условия этого контракта с третьими лицами. Моя обязанность — соответствовать всем требованиям моего владельца.»

Вла... что?

Я моргаю, перечитывая слово ещё раз, но оно не исчезает.

Владельца?

— Это что значит, что я становлюсь твоей куклой?

От шока перехожу на "ты", даже не замечая этого.

Встречаюсь с холодным, безжалостным взглядом — и внутри всё сжимается в тугую узел.

— Называй это как хочешь. Дочитывай.

Возвращаю взгляд на листок, а там:

«В обмен на исполнение всех условий настоящего договора Леонов Захар Дмитриевич обязуется:»

«1. Полностью списать финансовый долг Богдана Васильева.»

«2. Не предпринимать никаких действий, способных привести к уголовному преследованию Васильева Богдана и не причинять ему физической расправы.»

Губы пересыхают.

Всё честно. Как и было уговорено.

Только от этого не легче. Я вроде как готовилась, но сейчас всё выглядит еще более уни- зительным и грязным.

— Если устраивает, подписывай.

Захар протягивает мне ручку, а я как будто проваливаюсь в бездну. Смотрю в его сталь- ные глаза и чувствую, как сердце отбивает набат. И чем дольше смотрю, тем сильнее оно рвется из груди.

Сглотнув, выхватываю ручку и ставлю свою скромную подпись, которая рядом с разма- шистой Леонова выглядит, как упавшая на документ крошка.

На второй копии тоже расписываюсь.

А потом хватаю бокал с вином и выпиваю залпом.

Леонов забирает документы, откладывает их в сторону и кивает на обилие продуктов.

— Ешь.

Есть – последнее, чего мне сейчас хочется. Кажется, что любой кусок, который попадёт мне в желудок тут же вернется обратно, но я сегодня не ела ничего кроме чашки кофе утром.

Поэтому притягиваю к себе одну из коробок.

Там утка.

Запускаю внутрь вилку и начинаю жевать.

Во мне словно что-то отключилось в тот момент, когда я подписала себе приговор.

Все мысли захлопнулись в шкапулку и осталось только СЕЙЧАС. То, что происходит в момент, без осознания, рефлексии. Она придет потом. Сейчас же я, как робот пережёвываю пищу, не чувствуя вкуса ни изысканной утки по-пекински, ни неизвестного мне доселе соуса хойсин.

— Как всё будет происходить? – осмеливаюсь спросить, когда мы оба уже доели.

Тянусь за бокалом и допиваю остатки. Это был мой третий. Но опьянения я не чувствую.

Я будто наступила на гранату и теперь жду, когда она рванет.

Захар сощуривается, обводя моё лицо прищуренным, оценивающим взглядом.

Я тоже смотрю на него не отрываясь. На острую линию подбородка, подчеркнутую лёгкой щетиной.

На резкий изгиб скул, придающий его лицу хищное выражение.

На серые, холодные глаза. Глаза человека, привыкшего получать всё, что захочет.

Он выглядит жёстко, безупречно, контролирующе.

— Встань, — произносит хлестко, беря под контроль теперь и меня.

Преодолевая промчавшуюся по спине дрожь, встаю на пол.

— Отойди к обеденному столу.

Он указывает кивком головы на стол позади меня.

Не понимая зачем, я пачусь задом, пока не оказываюсь там, где он сказал.

— А теперь раздевайся, — звучит как раскат грома.

А вот и ответ на мой вопрос.

Происходить всё будет так, как он скамандует. И начинается это прямо сейчас.

Глава 6

Застыв в оцепенении, смотрю на ожидающего представление мужчину.

Он сидит за барной стойкой, сложив на ней руки в замок, ждёт, как хищник, перед нападением на жертву. Знает, что загнал её в угол и просто наслаждается прелюдией.

Только прелюдия эта исключительно для него. Для меня – это кошмар наяву.

— Я жду, — подтверждает мои мысли размеренным тоном.

Закусив щеку изнутри, я тянусь подрагивающими пальцами к краю кофточки.

Ткань под пальцами кажется шероховатой, будто пропитанной моим страхом. Я медлю, пытаюсь собраться с мыслями, а потом вздрагиваю, когда он снова произносит:

— Не тyani, София.

Как-будто это так просто. Взять и раздеться перед незнакомым мужчиной. Когда последние пять лет раздевалась для другого.

От волнения у меня ноги становятся ватными, а в груди давит так, что сложно вдохнуть.

Пальцы с силой сжимают край кофты, и я, зажмурившись, медленно тяну её вверх.

Дыши. Просто дыши, Соня.

Что я там себе говорила? Надо научиться отключаться. Представить, что всё это сон, от которого я проснусь, а потом забуду.

Холодный воздух касается оголённого живота, вызывая мурашки на коже.

Захар не двигается. Не торопит. Не комментирует.

Просто смотрит.

Когда кофточка наконец оказывается на полу, я снимаю с себя джинсы и остаюсь в одном белье.

— Дальше, — следует новый приказ.

Чёрт.

Руки поднимаются к застёжке лифчика, но пальцы так трясутся, что я не могу её расстегнуть.

— Помочь?

— Нет! — выпаливаю слишком резко и тут же кусаю язык.

Глубоко вдыхаю, горбясь под его ломающим взглядом и наконец справляюсь с застёжкой. Чувствую, как бретельки соскальзывают с плеч.

Сосков касается тёплый воздух, и они тут же собираются в бусинки. Быстро скрещиваю поверх руки, чтобы хоть как-то спрятаться от пронизывающего взгляда, но он тут же останавливает меня.

— Руки вниз.

Застыв, с силой стискиваю зубы.

По шее ползет вверх краска, я жутко смущаюсь. Знаю, что сама пошла на это, но не могу с собой совладеть. Подписать – одно, а переступить через себя совершенно другое.

Находясь под прицелом сощуренных глаз, опускаю руки вниз. Воздух снова скользит по груди, соски пылают.

Леонов смотрит на них, ведет взглядом вниз, к трусикам, пока я сгораю заживо.

А потом вдруг он медленно поднимается с барного стула.

Хищник решил перейти от наблюдения к действию. Именно так это выглядит.

Он подходит, не сводя глаз с моего лица, и останавливается так близко, что я чувствую тепло его тела.

Внутренне сжимаюсь.

— А ведь я запомнил тебя, — произносит хрипло.

Протягивает руку и медленно, без спешки, проводит пальцами по моей ключице, спускаясь к груди.

Я напрягаюсь, пытаюсь отстраниться, но сзади — стол. Некуда.

— Месяц назад. — Его пальцы легко касаются моей груди, от чего сердце начинает колотиться, как ненормальное. — На мероприятии, куда твой Богдан притащился ради знакомств. Ты тогда была в голубом платье.

Я помню.

Сдержанное, с наполовину открытой спиной. Богдан сказал, что выглядела в нём сексуальной.

— Скромная, улыбающаяся девочка. — Захар зажимает пальцами сосок, вызывая острый укол странной боли. Но не в месте где он касается, у между ног. Я дергаюсь, как от удара, — Я заметил тебя сразу. Когда узнал, что твой ушлёпок мне должен, это даже позабавило.

Он разжимает пальцы, и скользит ими ниже, по талии, касается резинки трусиков.

— Повернись.

Я стою, словно в тумане. Не сразу понимаю смысл сказанного, пока он сам не разворачивает меня, толкая к столу.

Легко надавливает на мою спину, и я с глухим выдохом опускаюсь грудью на холодную стеклянную поверхность.

Зажмуриваюсь, когда чувствую тёплую ладонь между моими лопатками. Сердце уже не просто колотится, оно норовит выскочить из груди. Дыхание даётся с трудом.

Захар гладит чувствительную кожу, медленно, властно, будто оценивая то, что приобрёл, и медленно направляется вниз. Его пальцы высекаются электричество, проникающее в мои нервные окончания.

А потом в один миг эта обманчивая ласка исчезает и мою промежность прошивает резким ощущением.

Леонов подцепляет в кулак тонкие трусики, сильно натягивая их вверх. Ткань впивается в мою плоть, отправляя мощные импульсы вниз живота.

Я инстинктивно встаю на носочки, чтобы ослабить давление. Но сделать мне этого не дают.

Снова прижав меня к столу ладонью, Захар рывком срывает с меня белье, и расталкивает коленом мои ноги.

Я впиваюсь в нижнюю губу зубами.

Лежу перед ним, как распятая бабочка. Дрожу и пытаюсь просто провалиться в моменте. Раствориться. Исчезнуть. Но воздух обжигает лёгкие, реальность возвращает в сознание, не давая спрятаться.

Я сама согласилась. Я пошла на это ради Богдана. И строить из себя теперь жертву глупо и уже довольно поздно. Если бы я хотя бы немного сомневалась, я бы не поставила эту чертову подпись каких-то пол часа назад. Но я сделала свой выбор.

Моих ягодиц касаются крупные ладони. Оглаживают, легко сжимают, словно изучают, а потом я слышу шорох одежды.

— Стой смирно.

Закрываю глаза, проваливаясь от стыда и ожидания. И почти сразу снова дёргаюсь, когда промежности касаются его влажные пальцы. Они гладят меня между ног, увлажняют. Я принимаю эти прикосновения, замерев и почти перестав дышать. Не успеваю привыкнуть, как пальцы сменяются твердым органом. Давление усиливается, стенки влагалища растягиваются и в следующий миг мои глаза расширяются от резкого вторжения.

Пальцы тут же скребут по поверхности стекла, в горле застревает выдох. Зажмуриваюсь, привыкая к ощущениям.

Проходит одна минут, вторая...

Я чувствую, как он скользит внутри меня. Твёрдый, большой. Захар с ходу проникает глубоко, двигается быстро. Я не замечаю, как то ли мычу, то ли издаю еще какие-то звуки.

Устремляю взгляд в окно, за которым идет снег. Уличное освещение подсвечивает причудливый танец снежинок, пока я содрогаюсь от каждого глубокого толчка. Он пронзает меня ими снова и снова. Минуту за минутой. Как будто время остановилось, и эта пытка будет длиться вечно.

— Расслабься, — сильные пальцы смыкаются на моей шее.

Я глохну от оглушительных звуков шлепков его бёдер о мои ягодицы. Слепну от того, как он ускоряется, поршнем проникая в меня, кажется, ещё глубже, чем до этого.

Зажмурившись, просто жду, когда это закончится. Когда он насытится и отпустит. Когда я смогу забиться в угол и выдохнуть.

Сколько жду? Понятия не имею. Время потеряло смысл. Мне удалось отключиться, спрятать разум и сознание подальше. Просто принять новую реальность.

Так теперь будет целый месяц.

Спустя, кажется, бесконечность чувствую, как Захар подходит к финалу. Его дыхание становится тяжёлым, он переносит ладонь и стягивает мои волосы на затылке, заставляя запрокинуть голову.

Тяжело и шумно дыша, совершает последние рывки внутри меня, и, наконец, выходит. Вдавливает головку члена мне в ягодицу, и я чувствую, как кожу покрывает горячее семя.

— Можешь идти к себе.

Слова пробираются к моему мозгу словно через пелену. С трудом осознаю, что всё закончилось.

На подрагивающих ногах выпрямляюсь. Живот и бедра горят, а на руках и спине выступили ледяные мурашки. От унижения хочется забиться в самый дальний уголок, исчезнуть, раствориться в тени.

Присев, собираю свои вещи, а когда встаю и уже собираюсь прошмыгнуть мимо, Леонов ловит меня за подбородок.

Его пальцы — холодные, властные, чужие крепко сжимают кожу. Он смотрит мне в глаза, в которых стремительно собираются слёзы.

— Понравилось?

Добивает, как будто ему было мало того, что он уже сделал.

— Нет, — цежу сквозь зубы, хотя горло сжимает судорога.

О запрете говорить правду в контракте речи не шло.

— В следующий раз будешь думать, прежде чем соглашаться оплачивать чужие долги.

Отпустив меня, отходит. А я мчусь наверх без оглядки.

Грудь сотрясают скопившиеся рыдания, которые прорываются, едва я оказываюсь в душевой кабине.

Ещё даже не включив воду, припадаю спиной к холодной стене и плачу навзрыд. Беззвучно, судорожно, так, словно выдавливаю из себя всю боль, всю обиду, всю ненависть.

Мне обидно. Больно. Грязно. Я чувствую себя такой грязной, что уже не отмыть. Словно эта грязь пропиталась в каждую клетку, осела под кожей и разъедает меня изнутри.

И почему-то ненавижу в этот момент Богдана. Глупо, ведь я сама согласилась. Сама подписала этот чёртов контракт.

Но и себя я тоже ненавижу. За слабость, за невозможность отказать. За то, что я такая бесхребетная.

Глава 7

В душе я стою, кажется, целую вечность. Натираю мочалкой воспалённую кожу, мою голову, стараясь смыть с себя все запахи чужого тела.

Надеваю белый махровый халат и выхожу в спальню.

Слёз у меня больше не осталось. Вместо них — чёрная дыра. На автомате меняю халат на пижаму и забираюсь под одеяло.

Кровать огромная, удобная, приятно пахнет свежестью. Если закрыть глаза, можно подумать, что я в отельном номере. Сейчас ко мне присоединится Богдан, мы займёмся сексом, а потом уснём в обнимку.

Вот только ко мне некому присоединяться.

Богдан сейчас спит в нашей с ним кровати.

Интересно, он думает обо мне? Думает о том, чем я занималась сегодня вечером? Хотя бы немного жалеет о том, что позволил этому произойти?

Переворачиваюсь на бок, устремляя взгляд в окно. Ночная темнота поглощает очертания зданий, а вдалеке мигают огоньки — безразличные к моей боли.

Богдан всегда был очень ревнив. В университете, как только мы впервые поцеловались, сразу же растолковал всем, что я — его девушка, и ко мне лучше клинья не подбивать. Не то чтобы я была писаной красавицей, и желающие выстраивались в очередь, но он полагал, что это так. Я всегда смеялась над этим. У меня до него и парень-то всего один был — ещё в моём родном городишке. Мы вместе учились в школе и встречались. Первый секс у меня был именно с Радиком. Потом я уехала поступать в один город, он — в другой, ну и связь разорвалась.

Как я уже сказала, внешностью я не блистала, поэтому на дискотеках в первом курсе я часто сидела одна или с другими девчонками, которых тоже не звали танцевать. Я привыкла. Для меня это было нормально, тем более что учёба занимала все мои мысли, и задумываться о том, что я одна, у меня не было времени.

А потом появился Богдан. Красивый, спортивный, весёлый. Он всегда был в центре внимания любой компании. Так вышло, что он тоже не отсюда. Мы жили каждый в своём общении, пока два года назад он не предложил съехаться.

Квартиру искали недорогую. Он уже совмещал учёбу с работой, я же доучивалась и жила на стипендию. Но мы всё же нашли подходящую — уютную, маленькую, в старом районе. От неё до университета было всего двадцать минут на автобусе.

Мы ездили вместе. Мы вообще всё делали вместе. Он заставил меня поверить в то, что я — самая красивая. Смотрел на меня всегда таким взглядом, что я невольно верила. Сделал меня особенной. Поднял мою уверенность на уровень выше.

А когда мы закончили обучение, настали сложные времена. Стипендия закончилась, на работу меня брать не хотели, Богдан тоже не сразу устроился. Приходилось очень экономить, но и тут мы не падали духом. Наша сплочённость всегда помогала.

Вскоре он нашёл хорошую работу, я тоже, наконец, устроилась. Он сделал мне предложение, и я, конечно же, согласилась, потому что никого другого рядом с собой не видела.

Мы мечтали о свадьбе, о том, как поедem на море. Пусть не за границу, а хотя бы сюда, к нам, но эти мечты давали стимул и цель.

И что теперь?

Теперь я лежу в кровати чужого мужчины, а Богдан об этом знает.

Грудь сжимает тисками так сильно, что я даже не могу вдохнуть.

Вжавшись лицом в подушку, всхлипываю. Внутри меня бьётся в истерике обиженная маленькая девочка, но я, как взрослая её копия, закрываю её на десять замков. Ведь я сама приняла это решение. Что теперь рыдать?

Богдан в безопасности. Ему не грозит тюрьма за то, что он пытался подарить нам с ним лучшую жизнь, ему не переломают ноги и руки. Нужно просто помнить об этом — и тогда будет легче.

Но легче не становится.

Засыпаю я под утро, когда усталость выжимает из меня последние силы.

Просыпаюсь резко, от стука в дверь.

В комнату входит Захар, а я рывком присаживаюсь на кровати.

Первая мысль — опять? Он хочет заняться сексом сейчас?

Вцепившись побелевшими пальцами в одеяло, борюсь с собой, чтобы по-глупому не натянуть его до самой шеи. Выпрямляю спину, вжимаясь лопатками в бархатное изголовье.

На мужчине чёрные брюки и белая рубашка, пуговицы которой он застёгивает, пока подходит к моей кровати. Ткань натягивается, подчёркивая мощный рельеф мышц. В разрезе виднеется крепкая грудь, покрытая порослью тёмных волос, и шея — массивная, жилистая, с выступающими сухожилиями.

Его фигура словно выточена из камня — широкие плечи, мощные бицепсы, выдающиеся сквозь ткань, и узкая талия, подчёркивающая атлетическое сложение. Брюки сидят безупречно, выделяя сильные бёдра.

Сейчас он выглядит так же, как в те разы, когда я видела его раньше. Просто тогда я не рассматривала его так близко.

Когда он останавливается у края кровати, я чувствую, как воздух в комнате становится плотнее, гуще.

— Доброе утро, — произношу сиплю и прокашливаюсь.

— Я уезжаю, — Захар обводит моё лицо взглядом, не посчитав нужным ответить на приветствие. — Вернусь через пару дней. Домой никого не водить. К Богдану на свидания не ездить. Напоминаю, если ты забыла.

— Ты думаешь, что я после секса с тобой сразу же побегу к нему? — не сдерживаюсь и тут же прикусываю язык.

— Мне некогда об этом думать. Посчитал нужным предупредить. Внизу, около входа, — пароль от сигнализации и ключи от дома и ворот. Там же найдёшь номер телефона Влада. Ты его знаешь — один из охранников. Если нужна будет помощь в поездке по магазинам или ещё что-то, набирай его.

Ну уж нет, спасибо. Физиономии любого из его охранников я видеть не хочу.

— И ещё. Ты как-то предохраняешься?

Мгновенно краснею и мотаю головой.

— Нет.

Он берёт мой телефон, лежащий на тумбе, наводит на моё лицо, чтобы разблокировать, и по-хозяйски что-то печатает.

— Кристина Бергман, — демонстрирует мне новый контакт. — Позвонишь ей сегодня, запишешься. Она поставит тебе противозачаточный укол.

— Зачем? — недоумённо смотрю на него.

— Затем, что мне не нужны последствия.

— Об этом надо было думать вчера, — бурчу, краснея ещё сильнее. — Может, я больная была? Или ты...

Доходит до меня только сейчас.

— Ты проверяешься у гинеколога раз в полгода. И ни разу ничем не болела. Я тоже чист. Если нужно, справку предоставлю по приезду.

Боже, он и это узнал.

Страшный человек. Может, он знает ещё и то, сколько раз в неделю у нас с Богданом бывает близость? Или какое бельё я себе покупаю и где?!..

Лучше не знать, в курсе он или нет.

— Хорошо, — отвечаю скорее для того, чтобы не чувствовать себя такой униженной. Раз уж он знает всё обо мне, то я бы не прочь увидеть и его анализы.

Кивнув, Захар возвращает мой мобильный на тумбу и ещё раз обводит меня взглядом. Я так и лежу, выглядывая из-под одеяла и надеясь, что ему не захочется сейчас заняться прощальным сексом.

К моему счастью, он разворачивается и выходит.

Я с облегчением выдыхаю.

Два дня свободы...

Когда за окном раздаётся шум отъезжающих колёс, я встаю и подхожу к окну. К своему удивлению, замечаю, как тянет между ног. Вероятно, это от того, что я была не готова к его проникновению, вот и последствия.

Саднящая боль напоминает о том, что вчера было между мной и Леоновым, вызывая очередную спазм в грудной клетке.

Тряхнув головой, переодеваюсь и спускаюсь вниз. Одна я чувствую себя здесь намного спокойнее.

Решаю немного похозяйничать на чужой кухне и варю себе кофе в новомодной кофемашине. Как с такими обращаться, я знаю, потому что в офисе стоит похожая, разве что чуточку попроще.

Съедаю бутерброд с вяленой колбасой, найденной в холодильнике, и сажусь за работу.

Менеджер подкинула мне один заказ, за который я тут же берусь. Это дизайн квартиры в новом жилом комплексе. Планировка интересная, последний этаж. Прекрасно. То, что я и хотела. Списываюсь с заказчиком, предлагаю созвониться, но он обещает прислать мне все свои пожелания по почте и предлагает встретиться послезавтра в центре для обсуждения деталей.

На том и порешив, я отставляю ноутбук и проверяю мобильный. Ни звонков, ни сообщений. Хотя время уже перевалило за обеденное.

Глава 8

До самого вечера я занимаю себя работой. Изучаю пожелания, которые прислал заказчик Владимир, присматриваю, какие варианты уже смогу ему предложить на запланированной встрече, а когда понимаю, что глаза от экрана уже начинают болеть, отставляю ноутбук.

Ещё раз заглянув в мобильный, встаю, чтобы исследовать дом. Мне здесь, как-никак, жить целый месяц. Нужно хотя бы знать, что где находится.

В процессе разведки узнаю, что на нулевом этаже расположен бассейн — просторный, с мозаичным дном, которое переливается оттенками бирюзы под мягким светом точечных ламп. Вдоль одной из стен — лежаки, обтянутые дорогой белоснежной тканью, а рядом небольшой бар с мини-холодильником. Вероятно, здесь Леонов проводит вечеринки. Бар обычно ставят именно для этого.

Рядом с бассейном — сауна.

Заглядываю внутрь и не могу сдержать восторга. Помещение обшито дорогим кедром. Воздух внутри пахнет древесной смолой. Зажмуриваюсь, втягивая его глубже в легкие. У нас дома тоже была самодельная сауна. Отец соорудил её сам. Конечно, гораздо проще, чем эта, не такая роскошная, но запах... Он возвращает меня в детство, когда мы с родителями парились, а потом бежали и обтирались снегом.

Улыбаясь тёплым воспоминаниям, иду дальше.

А дальше расположен бильярдный зал с двумя столами — один для русского бильярда, другой для американского. Пол здесь устлан мягким ковром цвета спелой вишни, а стены украшены картинами в тяжёлых позолоченных рамах. Над каждым столом висят массивные светильники с зелёными абажурами, бросающие мягкий свет на сукно.

Надо признать, у Леонова безупречный вкус. Всё выглядит лаконично, стильно, и без лишних деталей, удешевляющий интерьер.

Ну и последним на этаже расположен спортивный зал. Просторный, с высокими потолками и зеркальной стеной, визуально удваивающей пространство. Вхожу внутрь и с интересом осматриваю массивные спортивные тренажёры с электронными табло и функцией программирования нагрузок. Вдоль одной из стен расположена шведская стенка, а с потолка свисает груша для бокса. Рядом — стеллаж с аккуратно сложенными гантелями, от лёгких до профессиональных. Беру одну в руку и сжав, поднимаю над головой.

Нужно будет воспользоваться возможностью и позаниматься. Мы с Богданом только бегаем бывает по утрам или вечерам, когда он не сильно уставший приходит с работы. А здесь прямо глаза разбегаются от изобилия спортивных принадлежностей.

Поднявшись наверх, решаюсь пройти еще и по второму этажу. Может, это конечно, некрасиво, но назвать красивым моё нахождение здесь в принципе нельзя. Поэтому потоптавшись на месте, я все же открываю по очереди двери спален.

Как я и думала, несколько комнат здесь гостевые. Они обставлены примерно одинаково, роскошно и безлико. Ну точно номера отелей. Разве что очень дорогих отелей, где позволит себе номер не каждый постоялец.

Пока открываю дверь за дверью ловлю себя на мысли, что я ищу одну конкретную. И когда я, в конце концов, попадаю в неё, опасно оглядываюсь. Как будто хозяин может застукать меня за рысканьем в его спальне.

Вот она точно не безликая.

Эта комната словно отражение самого Леонова — сдержанная, но пропитанная дорогой, почти хищной элегантностью.

Я бы хотела создать нечто похожее для кого-то из клиентов, потому что здесь есть на чём залипнуть.

Словно до конца не решившись, медленно ступаю внутрь.

В центре большой комнаты огромная кровать с высоким, обтянутым тёмно-серым бархатом изголовьем. Такого же цвета плед накрывает постельное белье.

Стены покрыты декоративной штукатуркой глубокого графитового оттенка.

В углу расположено массивное кожаное кресло цвета горького шоколада с небольшим столиком из чёрного мрамора. На столике — дорогой хьюмидор для сигар и стеклянный графин с янтарной жидкостью. Рядом стоит напольная лампа с тканевым абажуром, дающая мягкий приглушённый свет.

Зачем-то подхожу и сажусь в него. Ощущение, будто меня охватывает кокон в свои теплые объятия.

Удобно...

Верчу головой, обнаруживая слева встроенный шкаф с зеркальными дверцами, а в дальнем углу замечаю дверь, ведущую, скорее всего, в ванную комнату.

Я встаю и крадучись подхожу, чтобы заглянуть внутрь.

Ну конечно. Ожидаемо. Она вся чёрная. Если в моей ванной преобладает свет, то здесь — крошечная тьма. Пол — из чёрного мрамора с золотыми прожилками, стены — тёмный керамогранит. В центре — отдельно стоящая ванна овальной формы. А рядом с ней — просторная душевая с сенсорной панелью управления.

На полочке замечаю туалетную воду. Я очень хорошо помню запах, которым пропитан Леонов, поэтому машинально обхватываю себя руками, словно он здесь и сейчас двинется на меня, чтобы продолжить вчерашнее.

Эта мысль быстро возвращает к реальности.

Я разворачиваюсь и покидаю владения Дьявола. Когда закрываю за собой дверь, понимаю, что не заглянула в последнюю комнату, расположенную прямо напротив его спальни.

Подхожу ближе, опускаю ручку, но дверь не поддаётся.

Дёрнув ещё раз, толкаю сильнее. Безуспешно. Она оказывается заперта.

Нахмурившись, отступаю подальше.

Надеюсь, там не какая-нибудь версия той самой комнаты со всякими БДСМ-приспособлениями.

Не хочу, чтобы меня привязывали и причиняли боль. Роль сабмиссива точно не моё. От боли я умею только плакать, но никак не получать удовольствие.

По спине пробегает ледяная дрожь, и я в ужасе спешу отсюда сбежать.

Залетев в свою комнату, захлопываю дверь и падаю на кровать. Мягкий матрас поддаётся под моим весом, но облегчения не приносит. Всё внутри скручено в тугий узел.

Мысли разного рода снова разрывают сознание, как звери, которые хотят меня сожрать.

Застонав, сажусь и беру телефон в руки. Он жжёт ладони, но я всё же делаю то, что весь день не даёт покоя.

Нахожу контакт Богдана и нажимаю кнопку «Позвонить».

Сердце трепыхается в грудной клетке, пока раздаются гудки. Один. Второй. Третий.

Кажется, я не дышу, пока Богдан, наконец, отвечает:

— Сонь... — голос глухой, как будто он только проснулся или, наоборот, совсем не спал.

— Привет... — мямлю еле слышно.

— Привет. Я не знал, как позвонить тебе...

Прикрываю глаза, судорожно вдыхая, потому что не знаю, как себя вести. Вот как теперь?

— Ты обещал не поднимать эту тему.

Богдан молчит, а я будто умираю снова и снова. С каждой секундой этой тишины всё сильнее хочется повесить трубку, стереть номер, стереть эти дни из памяти. И стать прежней собой, не знающей всей этой грязи.

— Прости, — наконец произносит он сдавленно. — Я вот картошку жарю. Собираюсь поесть, — слышу, как старается бодриться. — А ты что делаешь?

Проморгав успевшие собраться слёзы, откидываюсь на спинку кровати.

— Валяюсь. Тоже скоро пойду ужинать.

— С ним? — выпаливает чуть резче, чем обычно.

— Бодь... — осекаю его.

— Извини... Прости, я не должен спрашивать.

— Не с ним, — выдыхаю, потому что понимаю, что ему тоже тяжело. — Леонов уехал на пару дней.

— Да? — тут же оживает он. — Так ты одна? Может, я приеду?

— Не надо, — тут же останавливаю его необдуманный порыв. — Представим, что я уехала в командировку.

Богдан снова замолкает. В тишине слышу, как в раковину с грохотом падает то ли ложка, то ли нож.

— Ладно. Ты скучай там по мне. В командировке, — говорит вяло, без прежней задорной интонации.

— А ты по мне. Дома...

Сбрасываю звонок, прикрываю рот рукой и всхлипываю. Грудь сотрясают немые рыдания.

Всё будет хорошо.

Всё обязательно будет хорошо.

Я повторяю, как мантру, потому что другого выхода, кроме как, внушать себе это, у меня не остаётся.

Глава 9

Утро встречает меня тишиной. Не той уютной, домашней, к которой я привыкла, а глубокой, гулкой, будто сам дом затаился и наблюдает за мной. Я просыпаюсь рано, ещё до того, как солнце поднимается достаточно высоко, чтобы заглянуть в окна. Лежу несколько минут, прислушиваясь к себе, к телу, которое всё ещё напряжено, словно даже вторая ночь не дала ему по-настоящему отдохнуть. Мысли вяло ворочаются где-то на дне сознания, но я не даю им всплыть.

Мне нужен спортзал. Движение. Контроль. Чтобы хоть как-то отвлечься и снова не возвращаться к воспоминаниям.

Я переодеваюсь, собирая волосы в высокий хвост, и спускаюсь вниз. Пространство зала встречает меня прохладой и зеркалами. Здесь легко дышится, и это сразу немного успокаивает. Начав с беговой дорожки, выставляю средний темп и иду, постепенно ускоряясь. Сначала шаги даются тяжело, мышцы будто сопротивляются, но через несколько минут тело вспоминает ритм. Дыхание выравнивается, в ушах появляется глухой шум крови, и вместе с ним приходит странное облегчение.

Я бегу и смотрю на своё отражение. Лицо сосредоточенное, даже жёсткое, губы плотно сжаты. Сейчас мне нравится эта версия себя. Та, которая не размазывается по эмоциям, не позволяет себе слабость. Я — будто закрытая оболочка не только внутри, но и снаружи. Пот выступает на лбу, скользит по вискам, спине, и с каждой каплей будто выходит лишнее напряжение. Я увеличиваю скорость, заставляя сердце работать быстрее, будто хочу перегнать собственные мысли.

Потом приступаю к силовым. Беру гантели, которые оказываются для меня слишком тяжелыми, пытаюсь сделать выпады, но почти сразу выдыхаюсь. Мое тело более привычно к кардио тренировкам, поэтому силовые даются с трудом. Решив, что не буду себя ими мучить, оглядываюсь в поисках еще чего-то, с чем раньше не имела дела. Глаза сканируют пространство и натываются на грушу.

А вот это уже интересно. Я не раз видела, как в фильмах мужчины месят ее с легкостью и энергией. Поэтому, когда мой кулак впечатывается в резину даже не ожидаю, что она окажется настолько тяжелой.

По кисти проходит электрический ток, я шиплю от неожиданности.

С ума сойти. Оказывается, это не так просто, как кажется с первого взгляда. Принимаю еще пару попыток ударить по ней, но осознав, что это совсем не моё, поднимаюсь наверх. Тело приятно ноет, а голова становится удивительно ясной. Я принимаю душ, долго стою под струями воды, позволяя теплу расслабить мышцы. В отражении зеркала вижу румянец на щеках и живые глаза. Действительно живые в отличие от тех, которые глядели на меня из отражения вчера.

Так мне нравится гораздо больше. Нужно запечатать в себе это состояние и стараться его придерживаться, чтобы совсем не съехать с катушек.

Пока готовлю себе на завтрак омлет с овощами, на телефон приходит сообщение от Богдана.

«Доброе утро, любимая»

Отложив нож, беру телефон. Сердце гулко ударяется о ребра, но я глушу прорывающиеся эмоции и печатаю в ответ:

«Доброе. Чем занимаешься?»

Отправив, откладываю гаджет и нарезаю по очереди помидоры, болгарский перец и немного зелени. Сковорода тихо шипит, кухня наполняется запахом свежей еды. Я открываю окно, впуская утренний воздух, и на несколько минут ловлю себя на ощущении почти нор-

мальной жизни. Как будто я не в чужом доме, не в странной паузе между прошлым и чем-то неизвестным.

Звук входящего сообщения заставляет обернуться.

«Позавтракал. Планирую искать работу» — присылает Богдан.

«Это правильно», — отправляю, не зная, что еще сказать такого, чтобы не выйти на шаткую тропинку.

«Ты чем занимаешься?» — продолжает диалог Богдан.

«Позанималась в зале, сейчас тоже буду завтракать».

«Там есть зал? Нихуя себе буржуи живут»

Понятия не имею, что ответить на это сообщение. Его помешательство на деньгах в который раз вызывает неприятный холодок по спине. Яйца начинают неистово шипеть, знаменуя и том, что еще совсем немного и сгорят, поэтому я откладываю телефон и тороплюсь выключить конфорку, так и оставив его реплику без ответа.

После завтрака решаю выйти на улицу, осмотреться.

А осмотреть здесь есть что.

Территория вокруг ухоженная, продуманная до мелочей. Дорожки выложены камнем, и почищены от снега. Высокие деревья создают тень, и солнце пробивается сквозь пустые ветки мягкими пятнами.

За домом оказывается ещё одно строение, которое я уже видела из окна. Оно меньше основного, аккуратное, с большими окнами. Подчиняясь любопытству, я подхожу к панорамному окну. Внутри оказывается пусто. Одни лишь голые стены и строительные леса, укрытые плёнкой поверхности. Как я и думала, это гостевой дом, и в нём идёт ремонт. Возможно, именно здесь и стоит та самая дешевая плитка с сантехникой, которая стоила мне непомерную цену.

Настроение стремительно несется вниз, и я возвращаюсь в дом. Чтобы отвлечь себя снова сажусь за работу. Открываю ноутбук, просматриваю правки, которые сделала накануне, ещё раз проверяю презентацию. Пишу Владимиру, подтверждая встречу, и получаю быстрый ответ. Вечером. Ресторан в центре.

К встрече я готовлюсь тщательнее, чем обычно. Выбираю сдержанное платье, собираю волосы, наношу минимум макияжа. Не хочу выглядеть слишком просто, но и вульгарной показаться тоже нет желания. Мне необходимо дать о себе представление, как о хорошем профессионале. Ведь такой клиент, как Владимир у меня впервые.

Нужно не подвести его ожиданий, и во что бы то ни стало, закрепить этот заказ за собой.

Ресторан оказывается спокойным, с приглушённым светом и ненавязчивой музыкой. Владимир уже ждёт меня за столиком. Мужчина поднимается мне навстречу, пожимает руку. На вид, ему около сорока лет. С виду презентабельный, не отталкивающий. Это уже хорошо.

— Добрый вечер, София. Рад знакомству.

— Я тоже, — улыбаюсь, встречая его теплый взгляд.

Мы заказываем ужин и вино, и почти сразу переходим к делу. Я открываю ноутбук, показываю варианты, объясняю концепции, говорю о цветах, фактурах, логике пространства. Он слушает, иногда задаёт вопросы, иногда кивает, делая пометки в телефоне.

— Мне важно, чтобы пространство работало на меня, — говорит он, когда я заканчиваю. — Чтобы там хотелось находиться, а не просто ночевать. Я планирую завести семью, и для этого все должно быть максимально открыто. Но при этом комфортно и со всеми удобствами.

— Именно поэтому я предлагаю этот вариант, — отвечаю спокойно. — Здесь есть баланс между статусом и комфортом. Это не давит, но подчёркивает уровень.

Мы обсуждаем детали, сроки, бюджет. Я безумно рада, что Владимир оказывается приятным человеком. В его речи не сквозят намеки на флирт, но при этом он шутит, давая мне возможность расслабиться и не чувствовать себя как на иголках. Вино приятно согревает, еда

оказывается вкусной, и обсуждения его пожеланий дается очень легко. Я подхватываю волну клиента, а он в свою очередь — мою. Сейчас, в данный момент я чувствую себя действительно на своём месте.

Боже. Это так восхитительно. Если бы кто только знал.

Когда мы выходим из ресторана, вечерний воздух кажется плотным и насыщенным. На дворе давно темно. Время перевалило за девять часов.

Я прощаюсь с Владимиром, и он уходит к своей машине. На улице моросит мелкий дождь, поэтому я остаюсь стоять под козырьком и достаю из сумки мобильный, чтобы вызвать такси.

— София?

Внезапно раздаётся в тишине знакомым голосом. Я машинально сжимаюсь в ком и вскидываю голову, потому что голос этот узнаю с ходу. Высокий мужчина, в тёмной куртке отталкивается от автомобиля и подходит ко мне.

— Садитесь. Я отвезу вас домой, — говорит спокойно тот самый лысый громила, к которому у меня жуткая антипатия.

Внутри поднимается настороженность.

— Откуда вы знали где меня найти? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Он смотрит прямо и дергает бровью, словно я задала глупый детский вопрос.

— Это моя работа.

Понятно. То есть за мной установлена слежка?

Бросив телефон в сумку, забираюсь в машину.

Сегодня он один. Без сопровождающих, что позволяет дышать чуточку легче.

Пока едем я пытаюсь не думать о том, что нахожусь под микроскопом, но у меня не получается. Поёрзав на сидении, таки решаюсь на еще один вопрос:

— А Захар тоже знает, что я отсутствовала?

Взгляд охранника находит меня в зеркале, и я уже читаю в нем ответ:

— Конечно.

Глава 10

На следующий день я устраиваюсь в гостиной, выбрав место у панорамного окна, где дневной свет ложится ровно и мягко, не слепит экран и не режет глаза. Ноутбук стоит на коленях, рядом на низком столике разложены блокнот, карандаш и чашка с уже остывшим кофе. Я давно заметила, что, когда работа затягивает, напитки перестают иметь значение, они просто стоят рядом, как напоминание о том, что время всё-таки идёт.

Открываю файл с проектом Владимира и снова возвращаюсь к планировке. Вчерашний разговор ещё свеж в памяти, его замечания, паузы, взгляды, когда он задумывался над моими словами. Я прокручиваю в голове диалог, и параллельно вношу правки. Чуть смещаю зону кухни, чтобы свет из окна попадал глубже в пространство. Убираю перегруженный акцент, который вчера показался ему спорным. Добавляю нишу под встроенные шкафы, делая их менее заметными, чтобы интерьер дышал и улыбаюсь тому, что получается.

Потом открываю список материалов, проверяю наличие плитки у поставщика, открываю сайт фабрики, сравниваю оттенки в разных коллекциях, увеличиваю изображения до пикселей, чтобы убедиться, что текстура не будет выглядеть дешёвой при искусственном освещении. Записываю артикулы в таблицу, рядом ставлю пометки о сроках поставки.

Звоню одному из поставщиков и уточняю стоимость индивидуального изготовления мебели, потом другому.

А после всех звонков, откидываюсь на спинку дивана, смотрю на экран и впервые за утро ловлю себя на том, что мне уже безумно нравится то, что получается. Проект начинает складываться, обретать очертания. Довольная собой и проделанной работой едва не визжу, как ребенок.

Потому что у меня получается! Потому что это не простые решения дизайна, которые я оформляла раньше для офисов. Это нечто более грандиозное. Фактурное, имеющее тысячи оттенков и деталей. И всё это создаю именно я.

Сквозь эту свою радость я не сразу улавливаю, как за окном раздаётся звук шин.

Понимаю, что я больше не одна только, когда входная дверь открывается.

Радость моя испуганной белкой прячется в уголке, а я замираю, внутренне вся сжимаясь. В холе раздаются уверенные неторопливые шаги, и я сразу понимаю, что это не охрана. Охрана не ходит так степенно.

Спустя секунду в поле зрения появляется Захар. Мужчина бросает взгляд на меня, ноутбук, кивает и не останавливаясь, идёт к лестнице.

Уже ступая на первую ступень, он вдруг оборачивается.

— Поднимись ко мне в спальню через пятнадцать минут.

Это распоряжение бьет по нервам кожаной плетью. Ощущение моей ничтожности возвращается, но я тут же его задавливаю, чтобы не сожрало меня с головой.

Мысленно возвращаюсь в то состояние, которое вчера очертила себе в спортивном зале. Я – это я. И я поступаю правильно. Богдан бы тоже пошел на такой шаг ради меня, если бы я влипла в какую-то историю.

Правда, я бы никогда не краля чужое, но в жизни ведь может произойти что угодно... Никогда не знаешь, что тебя ждет дальше.

Закрыв ноутбук, засекаю время.

Пятнадцать минут...

Вроде бы так мало, но на деле я успеваю перекрутить в голове наш с Захаром прошлый секс, вспомнить свои ощущения и войти в дзен.

Последнее даётся с трудом, но я прикладываю немалые усилия, чтобы снова загнать себя в ракушку.

По ступеням поднимаюсь тяжело. Ноги ощущаются ватными и словно не моими.

Где спальня Леонова я прекрасно помню, поэтому безошибочно направляюсь именно туда.

Остановившись перед дверью, несколько раз вдыхаю, и сквозь оглушающий стук сердца, стучусь.

Ответа не следует, поэтому мне приходится толкнуть ручку и войти самой. В эту же секунду Захар выходит из ванной комнаты.

Абсолютно обнажённый.

Я застываю, не зная куда деть взгляд. Я пришла раньше? Мне отвернуться? Выйти и подождать?

Дурочка Соня, он позвал тебя заниматься сексом, а значит планировал быть перед тобой именно в таком виде.

То, что Захар не делает малейшей попытки прикрыться, а спокойно проходит мимо, подтверждает мои мысли.

В одной руке у него полотенце, которым он вытирает влажные волосы. Капли воды скользят по его коже, оставляя за собой тонкие дорожки, исчезающие ниже.

Я невольно задерживаю дыхание.

Его тело выглядит так, будто над ним работали долго и методично, не ради красоты, а ради силы. Широкие плечи, мощная грудь, на которой темнеет дорожка волос, уходящая вниз, напряжённый пресс, чётко очерченные бёдра.

Он проходит мимо меня так близко, что я ощущаю тепло его кожи, влажное, живое, и резкий, чистый запах геля для душа вперемешку с его собственным, тяжёлым, мужским. Полотенце скользит по его затылку, по шее, по спине, и я ловлю себя на том, что смотрю слишком внимательно, будто взглядом касаюсь того, чего касаться не имею права.

Захар бросает полотенце на кресло небрежным движением, не оборачиваясь.

А мне становится жутко жарко, хотя в комнате прохладно. Сердце колотится гулко, отдаваясь в ушах, а в животе стягивается тугий узел, в котором смешались страх, стыд и что-то ещё, от чего становится особенно противно самой себе. Я заставляю себя не опускать глаза, не пятиться назад, не превращаться в дрожащую тень у порога.

Стою, не зная, куда деть руки, куда отвести взгляд, и что вообще делать дальше.

Захар садится на край кровати, широко расставив ноги, и смотрит на меня снизу вверх, медленно и оценивающе.

— Подойди, — говорит негромко, но для меня его слова звучат, как раскат грома.

Сглотнув слюну, чтобы смочить пересохшее горло, делаю шаг вперёд, потом ещё один, чувствуя, как пол под ногами будто становится мягче, вязче, словно тянет меня вниз.

Захар чуть склоняет голову и указывает взглядом на пространство перед собой. На пол.

Мне не нужно объяснений. Команда считывается мгновенно, телом, нервами, чем-то глубже разума. Я опускаюсь, сначала неловко, потом окончательно, чувствуя, как холод пола проникает сквозь ткань, а вместе с ним приходит острое, почти унижительное осознание своей позы.

Он тянется к прикроватной тумбе и берёт сложенный лист бумаги. Протягивает его мне.

— Ты просила.

Я?

Растерянно раскрываю бумагу и только потом понимаю, что это справка с печатью и медицинскими формулировками о том, что он здоров.

Щеки неистово жжет, в лицо бросается краска.

Позовчера я потребовала у него справку почти с вызовом, желанием уколоть, поставить его в рамки, а сейчас чувствую себя из-за этого полной дурой.

— Довольна? — спрашивает он.

Я медлю долю секунды, потом вскидываю подбородок, заставляя себя смотреть прямо, не отводя глаз.

— Да.

— Хорошо, — спокойно отвечает Захар. — Ты позвонила Кристине?

Чёрт... Я совершенно забыла о его требовании. Думала только о новом заказе, вот и выпустила из виду.

— Еще не успела, — отвечаю честно.

Хотя думаю, что он и так в курсе.

— Были занятия важнее?

Его рука внезапно приближается к моему лицу, и я натягиваюсь струной.

— Моя работа. Но я позвоню завтра.

— Я уже записал тебя на десять утра.

Ясно... Как я и сказала, он конечно, знает, что я не была у врача.

Только думать об этом у меня сейчас получается меньше всего.

Потому что его большой палец касается моего подбородка, приподнимает его, заставляя смотреть выше, прямо в его стальных, холодные глаза. Зрачки в них расширились, и то, что я в них вижу, отнимает у меня дыхание. Там чистая похоть. Жажда. Голод. Не знаю, как это еще назвать, но мне становится страшно.

Глава 11

Длинный палец скользит по линии моей челюсти, задерживается у губ, обводит их медленно, лениво, будто он пробует меня на вкус ещё до того, как я что-то сделаю.

Я ощущаю, как внутри, вопреки здравому смыслу, вспыхивает короткий, острый укол возбуждения. Он пугает меня своей неожиданностью и неуместностью, но я не отталкиваю это чувство. Я позволяю ему быть, потому что сопротивление сейчас кажется бессмысленным и слишком болезненным.

Мой взгляд сам ненароком опускается на его пах и эрекцию, которая всего за несколько секунд успела потяжелеть и подняться.

— Возьми его в рот, София, — произносит Захар, опираясь ладонями на покрывало.

Мир сужается до этого приказа, до моего дыхания, которое становится слишком громким.

Судорожно облизав губы, склоняю голову и несмело беру тяжелый орган в руку.

В висках стучит, внизу живота ощутимо сводит, пока я приближаюсь и обхватываю губами напряженную головку.

Скольжу по бархатной коже языком и ловлю себя на мысли, что мне не противно. Рецепторы вопят от нового вкуса и запаха, все во мне будто превращается в радар, улавливая новизну. Я столько лет была близка только с Богданом, что эта новизна накрывает волной.

Внутри протестующе поднимает голову неприятие, но я вовремя напоминаю себе, что вообще-то все оговорено и подписано. Богдан сам толкнул меня на этот шаг.

Поэтому отогнав от себя гложущие мысли, я отпускаю себя. Отпускаю контроль, ответственность, необходимость что-то доказывать. Это происходит. И я принимаю это.

Ладонь Захара в какой-то момент ложится мне на затылок, и он забирает этот самый контроль себе. Направляет мою голову ниже, задает темп. А потом, когда мне кажется, что я приноровилась, вдруг прижимает к своему паху, лишая возможности двигаться.

— Вот так, — хрипло выдыхает, удерживая мое сопротивление, которое растет с каждой секундой.

Рот наполняется слюной, я издаю булькающий звук. Чувствую, что его становится много, и мне не хватает дыхания. Дергаюсь, пытаюсь отодвинуться, чтобы вдохнуть, но он подается вперед бедрами, заполняя мое горло собой еще глубже.

— Ты сможешь, — сгребает в кулак мои волосы и только когда из моих глаз брызгают слезы, отпускает, позволяя наконец глотнуть кислорода.

Я как рыба, открываю широко рот, чувствуя, как по губам тянется ниточка слюны и пытаюсь ее как можно скорее вытереть, потому что это ощущается унижительно.

С ненавистью вонзаюсь в Леонова взглядом, но он даже не замечает моих эмоций. Или ему попросту все равно.

— Давай сама, — приказ проходит лезвием по коже, а его рука исчезает с моей головы.

Сердце гулко бьется в затылке, я снова проделываю все с самого начала, на этот раз принимая его член глубже, насколько могу. Помогаю себе рукой, второй упираясь в матрас рядом с его бедром.

Реакция Захара меняется с каждой секундой. Его дыхание становится тяжелее, мышцы бедер напрягаются, я слышу, как воздух свистит сквозь его плотно сжатые челюсти и поднимаю взгляд, из-под ресниц наблюдая за его выражением лица.

Вот только не ожидаю, что его взгляд в этот момент направлен прямо на меня. Смутившись, быстро отвожу глаза.

— Не надо, — вдруг резко произносит он, — смотри на меня, София.

По телу пробегает непрощенная дрожь и странным образом отзывается во мне теплом, тяжестью внизу живота, и тем самым чувством, которое я себе запретила, но которое всё равно пробивается сквозь страх и стыд.

Осмелившись встретиться со стальными глазами, чувствую, как к щекам приливает жар.

Давящий взгляд скользит по моему лицу, губам, заставляя меня дрожать еще сильнее. Я чувствую, как губы покалывает, горят уже не только щеки, а вся я.

Воздух вокруг густеет, в нем словно искрит электричество, передаётся от него ко мне и обратно. А потом внезапно Леонов тянет меня за волосы, вынуждая отпустить его плоть и большим пальцем проводит по моим влажным губам.

В его глазах похоть уже не просто мерцает, она беснуется, ищет выход. Я чувствую, как его палец проскальзывает ко мне в рот, проводит по языку, оставляя легкий солоноватый привкус, а после происходит то, чего я вообще не ожидаю. Зацепив меня пальцем, словно рыболовным крючком, Захар резко подтягивает меня к своему лицу и теперь уже в мой рот проникает его язык.

Неожиданно, как гром среди ясного неба. Меня поражает это настолько, что я не сразу могу понять, что он делает. А он не целует. Он будто трахает мой рот, глубоко, ритмично, запутавшись пятерней в волосах и впечатывая в свое лицо с такой силой, чтобы я даже не помыслила отстраниться.

Мое сердце уже не просто стучит, оно рвется из груди, по венам течет не кровь, а зараженная субстанция.

Зачем он меня целует? Для чего?

Вопросы роем копошатся в голове, пока мои губы отвечают на эти дикие поцелуи. Потому что другого варианта им просто не дают.

С хриплым звуком, Захар отрывается от меня, выпрямляется во весь рост и теперь уже сам приставляет к моим губам головку своего члена и толкается сквозь них.

Происходящее дальше я не контролирую вовсе. За несколько секунд он несколько раз толкается глубоко в мой рот, а потом застывает. По его лицу проходит тень, он замуривает глаза, а я ощущаю привкус его спермы.

Еще несколько секунд он не выпускает меня. Стоит, запрокинув назад голову, его захват на моем затылке становится менее жестким. Мне даже кажется, что он нежно проводит по моим волосам прежде, чем отпустить. Но я уверена, мне это только кажется.

Сомнительно, чтобы ему хотелось погладить свою подстилку.

Наконец, Захар отходит. А я так и продолжаю стоять на коленях, потому что найти в себе силы сразу встать как-то не получается.

Всё, что я отпустила несколько минут назад, возвращается, напоминая мне о моем положении.

Кое-как поднимаюсь, чувствуя, как колени ноют, а икры подрагивают, и уже намереваюсь выйти из комнаты, как сзади раздаётся:

— С кем ты вчера встречалась?

Останавливаюсь около двери. Я знала, что этот вопрос последует.

— С заказчиком.

Захар надевает спортивное трико и оборачивается.

— Что за заказчик?

— Я дизайнер, как я уже говорила. — смотрю ему в глаза, чтобы не думал, что сейчас я снова убегу в слезах, — Владимир заказал у меня оформление его квартиры. Вот мы и встречались для обсуждения деталей.

— Ясно. Иди.

Бросает, беря с тумбочки свой мобильный и будто теряя ко мне весь интерес.

Разворачиваюсь и выхожу, только за дверью полноценно выдыхая. Во рту все еще играет привкус его семени, а губы жжет от поцелуев.

Прикладываю к ним пальцы, пока направляюсь к себе. В этот момент в заднем кармане вибрирует телефон.

Достаю его и смотрю на экран.

Богдан.

Глава 12

Отвечать ему сейчас у меня нет никаких сил. Поэтому, просто сбросив звонок, я прячусь в своей комнате.

Подбежав к кровати, падаю на неё животом, утыкаясь лицом в подушку. Тело всё ещё помнит. Не картинками, не действиями, а ощущениями, которые упрямо не хотят исчезать сразу, будто им нужно время, чтобы догореть. Внутри всё вибрирует, тянет, но уже не остро, а глухо, как эхо после слишком громкого звука. Я злюсь на себя за это, за то, что возбуждение вообще имело место. За то, что тело оказалось предателем и отреагировало там, где, казалось бы, должно было остаться только унижение.

Что это вообще такое? Защитная реакция? Стокгольмский синдром? Как это называется научно?

Я глубоко дышу, стараясь успокоиться и прислушиваясь к тому, как постепенно возвращается контроль. Пульс выравнивается, дыхание становится ровнее, напряжение медленно отпускает, оставляя после себя усталость и странную пустоту. Как будто я выпустила из рук что-то тяжёлое и теперь не знаю, куда деть освободившиеся ладони. Их нужно чем-то занять, как и мысли, чтобы не жужжали, как мухи в голове.

А они жужжат. Настойчиво и раздражающе. Снова и снова.

Воды, мне нужно воды. Смыть с рецепторов вкусы и запахи, которых слишком много.

Соскочив с кровати, я устремляюсь к выходу и спускаюсь вниз. Полагая, что Захар находится все еще в своей комнате, не рассчитываю столкнуться с ним, но тишина, нарушаемая гулом кофемашины, говорит об обратном. Жаль, что я слышу ее уже на пороге кухни и отступить назад незамеченной у меня нет никаких шансов.

Захара я замечаю сразу.

Он стоит у кухонного острова, и заваривает себе кофе. Я замираю на секунду, прежде чем сделать шаг вперёд. Подняв выше подбородок, подхожу к раковине и наливаю себе воду, стараясь не смотреть на мужчину слишком явно, но и не делать вид, что его здесь нет. Неловкость висит между нами плотной, вязкой паутиной, в которой застревают движения и мысли.

Точнее, это моя неловкость. Он её, как таковую точно не испытывает.

— Кофе будешь? — спрашивает вдруг ровно, как будто между нами каких-то пять минут назад не было ничего, кроме обычного общения.

— Можно, — отвечаю я после короткой паузы.

Он молча протягивает мне свою чашку, тёплую, только что заваренную, а сам без лишних слов ставит себе новую. Я обхватываю фарфор ладонями и чувствую, как тепло постепенно расплзается по пальцам, заземляя.

— Спасибо.

— Не за что. Оденься, София, — говорит он, делая глоток свежесваренного напитка. — Выйдем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.